

Научная статья
УДК 821.161.1.09
DOI 10.18101/2686-7095-2025-3-60-69

**ОБРАЗЫ РАСТЕНИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: ТВОРЧЕСТВО
А. П. ЧЕХОВА И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА ЧЖУАН-ЦЗЫ**

© Лю Сюэцин
докторант,
Нанькайский университет
Китай, 300071, г. Тяньцзинь, ул. Вейдзинь, 94
lxq980609bxmy@163.com

Аннотация. Статья посвящена изучению межкультурного диалога на основе типологически сходных мотивов в творчестве русского писателя А. П. Чехова и китайского философа Чжуан-цзы (IV–III вв. до н. э.). В качестве метода исследования используются теория «самозарождения мотивов» А. Н. Веселовского, теория «внеаходимости» М. М. Бахтина и идеи экологической этики. Основанием для сравнительного анализа растительных мотивов послужил особый интерес писателя и мыслителя к растениям как в жизни, так и в философской и литературной рефлексии. Через образы растений в их произведениях раскрываются схожие экологические концепции: растения представлены не как пассивные, механические объекты, а как самостоятельные субъекты, равноправные человеку. Такой подход радикально переосмысливает традиционную эколого-этическую модель субъектно-объектного дуализма и утверждает принципы нон-антропоцентризма. Помимо этого, через образы растений анализируется различие культур Востока и Запада в философском осмыслении человеческого бытия. У Чжуан-цзы — идея слияния в единое целое человека и природы, жизни и смерти, а в произведениях Чехова герои активно вовлекаются в мирскую жизнь и в моменты взаимодействия с растениями ощущают мимолетность собственного бытия. Диалог между различными авторами во времени и пространстве углубляет понимание социокультурных явлений двух стран.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Чжуан-цзы, растения, межкультурный диалог, экологические концепции, философские размышления, жизнь, смерть.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы инноваций Пекинского педагогического университета, а также профессоров И. С. Болдоновой, Ван Лидань и Сунь Ао.

Для цитирования

Лю Сюэцин. Образы растений в межкультурном диалоге: творчество А. П. Чехова и философская проза Чжуан-цзы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 3. С. 60–69.

Введение

А. П. Чехов был не только писателем и врачом, со временем он стал и садоводом. В письме от 20 февраля 1890 г. к М. О. Меньшикову А. П. Чехов упомянул свою возможную альтернативную профессию: «Я, если бы не литература, мог бы быть садовником» [17, с. 58]. Садоводство играло важную роль в его жизни, о чем И. Г. Эренбург однажды сказал, назвав его «страстным садоводом» [19, с. 93]. Писатель особо трепетно относился к миру растений: находясь в Ялте на новой даче, он проводил все свободное время за выращиванием рассады, обрезкой веток, посадкой цветов, старательно записывал в тетрадь «Сад» названия растений. Уход за растениями дал ему непосредственное и глубокое понимание их жизненной силы и красоты, а также наполнил его художественные произведения большим количеством ботанических образов. По статистике в художественных произведениях, написанных А. П. Чеховым в период с 1880 по 1903 г., общее число «словоупотреблений, относящихся к семантическому полю “цветов” <...> — 1034» [9, с. 230]. Еще больше их, если включить образы других растений.

Что касается философа Чжуан-цзы (庄子, также известен как Чжуан Чжоу 庄周), одного из представителей даосизма, жившего в период Чжаньго (战国, 476/403–221 гг. до н. э.), то он часто писал о разнообразных видах растений. Личность Чжуан-цзы характеризуется прямодушием, свободолобием и стремлением к гармонии с природой: он любил «сосуществовать с растениями, горами и реками» [21]. Социальное положение Чжуан-цзы также было тесно связано с растительным миром. В книге «Исторические записки. Биографии Лао-цзы Хань Фэя» («史记·老子韩非列传») говорится: «Чжуан-цзы был уроженцем уезда Мэн <...> одно время служил чиновником лакового сада в уезде Мэн и был современником лянского Хуэй-вана и циского Сюань-вана» [21, с. 305]. Лаковый сад — это место, в котором в древнем Китае выращивали лаковые деревья. Должность «чиновник лакового сада» была учреждена древнекитайским правительством и предполагала управление хозяйством, связанным с выращиванием лаковых деревьев. Это свидетельствует о глубоком понимании Чжуан-цзы процесса ухода за растениями.

Таким образом, общий интерес к растениям, ботанические образы в произведениях и деятельность, связанная с садоводством, заложили основу для сравнительного анализа мировоззрений Чехова и Чжуан-цзы, а также выявления типологического сходства мотивов творчества в контексте межкультурного диалога.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования в статье рассматриваются в художественных произведениях А. П. Чехова и философской прозе Чжуан-цзы образы растений в аспекте поэтики и семантики, раскрываются сходство и различие в экологических концепциях и философских размышлениях авторов. Методологическими основаниями исследования являются:

1. Сравнительно-сопоставительный метод, основу которого заложил А. Н. Веселовский с его сравнительно-историческим методом. Веселовский отмечал в

книге «Поэтика сюжетов», что возникновение сходства мотивов разных народов связано не с заимствованиями друг от друга, а с тем, что разные народы проходят сходные этапы общественного развития. В результате этого у них формируются сходные социальные отношения, мировоззрение и интересы. «При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития, такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [4, с. 538]. Сходство мотивов проявляется в литературном творчестве. Компаративистикой в литературоведении в середине прошлого столетия занимались такие видные ученые, как В. М. Жирмунский, И. Г. Неупокоева, Н. И. Конрад, Г. И. Ломидзе, Д. Дюришин и др. Позднее теоретики сопоставительного литературоведения конца XX в. Ю. И. Минералов, А. Я. Эсалнек, Л. В. Чернец, В. Р. Аминев и другие развивали теорию Веселовского. Они считали, что сходства литератур разных стран по-особому обосновываются и анализируются в случае, «когда между национальными литературами нет прямых контактных связей» [5, с. 21]. Это и создает основу для сравнения философско-экологических взглядов Чехова и Чжуан-цзы, живших в разных культурах и в разные эпохи.

2. Теория «вненаходимости» М. М. Бахтина, который отметил, что для творческого, а не просто механического понимания культуры необходимо оказаться в ситуации «вненаходимости», когда нельзя «отказываться от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывать» [2, с. 334]. В связи с этим китайским исследователям для более глубокого понимания русской литературы необходимо опираться на родной культурный фон.

3. Экологическая этика как метод познания окружающего мира. Теория экологической этики пытается пересмотреть взаимоотношения между человеком и окружающей средой с точки зрения нравственности и переосмыслить существо (животные, растения) окружающего мира, воспринимая его не снаружи, а пытаясь интуитивно почувствовать внутреннюю природу и связи между субъектами в окружающем мире. Такой метод «не оставляет человека в рамках своего холодного ума, а выводит за пределы, растворяет границу между субъектом и объектом» [3; 6, с. 35].

Результаты

1. *Экологическая концепция: равное сосуществование растений и человека в качестве субъектов*

Из-за индустриального развития российского общества во второй половине XIX в. и частых войн в Китае в IV–III вв. до нашей эры экологическая среда обеих стран подверглась разрушению. Это побудило Чехова, с одной стороны, и Чжуан-цзы — с другой, задуматься о субъективном характере растений с точки зрения экологической этики. Вследствие этого у обоих сложились в некоторой степени схожие экологические концепции.

Во-первых, образы растений у них — это не просто объект, выполняющий функцию создания характеров героев, развития сюжета и углубления основной

идеи, но и субъект, обладающий жизненной силой, постоянно действующий, разрушающий и преобразующий [24]. Так, в рассказе Чехова «Егерь» (1885) «верхушка леса», похожая на глаз человека, «всматривается куда-то... ждет чего-то» [12, с. 79]; в «Агафье» (1886) «ольховая роща» быстро проявляет робость и трепет, чувствуя изменение внешнего мира; а в «Черном монахе» (1894) сосна становится свидетелем встречи Коврина с черным монахом, и ее «шепот» выражает протест против того, что Коврин предается иллюзиям, пренебрегая чувствами окружающих. Как видно из этих примеров, в творчестве Чехова растения, обладающие той же жизненной силой, что и люди, способны реагировать на происходящее и выражать свои эмоции через движения и жесты.

У Чжуан-цзы жизненная сила растения не зависит от воли человека: «Весною в дождь и на солнце травы и деревья растут неудержимо... и тут пускают в ход серпы и мотыги. [Но] больше половины растений снова поднимаются» (Чжуан-цзы. Глава 26. Вещи вне [нас]. 庄子·外物) [18, с. 250]. Хотя люди пытаются срубить траву и деревья «серпами и мотыгами», большинство из них, обладая собственной субъективностью, освобождаются от человеческой воли и неистово «возрождаются», демонстрируя непреодолимую силу роста и яркую красоту жизни. Кроме того, растения обладают разнообразной жизненной силой: «Ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов подобны носу, рту, ушам... Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох» (Чжуан-цзы. Глава 2. О равенстве вещей. 庄子·齐物论) [18, с. 13]. Буйный ветер, проникающий сквозь отверстия различных по форме деревьев, издает звуки, которые становятся воплощением множественной одухотворенности растений. С помощью разных голосов «растения-субъекты» передают во Вселенную различные жизненные сигналы.

Во-вторых, Чехов и Чжуан-цзы никогда не рассматривают растения как инструменты, созданные исключительно для пользования человеком. Чжуан-цзы даже утверждал, что деревья, не имеющие «никакой практической пользы», могут прожить дольше. В «Чжуан-цзы». Глава 20. Дерево на горе. (庄子·山木) описан случай, когда автор, гуляя по горам, увидел лиственное дерево, однако дровосек не стал его рубить, потому что оно было «бесполезным». Чжуан-цзы не сожалел об этом, а, напротив, восхитился тем, что благодаря «негодности» дерево «может дожить до своего естественного конца» [18, с. 13]. Чехов в позднем рассказе «Ариадна» (1895) также осуждает прагматизм и бессмысленное уничтожение растений. Герой Лубков утверждает: «Красота природы сама по себе, а доход с лесов и полей сам по себе» [14, с. 114]. Леса и пашни для него — лишь средство получения прибыли, а их ценность определяется исключительно материальной выгодой. Чехов осуждает этот подход, критикуя «антропоцентризм», в котором человек воспринимается как властелин природы. Напротив, он утверждает, что люди, деревья, травы, цветы, реки, птицы, животные — все это равноправные части экосистемы. Подобного взгляда придерживался и Чжуан-цзы. Он отвергал дуализм «субъект-

объект» и утверждал: «Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина» (Чжуан-цзы. Глава 2. О равенстве вещей. 庄子 • 齐物论) [18, с. 19].

На основе идеи «равенства вещей» (齐物论) Чжуан-цзы даже вывел концепцию «красоты бесполезности», согласно которой вещи, кажущиеся ненужными, обладают глубокой внутренней ценностью. В то время как Хуэй-цзы считал, что тыквы-горлянки (瓠) не могут удерживать воду или служить ковшиком, Чжуан-цзы видел в них средство передвижения для поездок: «Почему бы не связать [тыквы] в большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!» (Чжуан-цзы. Глава 1. Странствия в беспредельном. 庄子 • 逍遥游) [18, с. 11]. Это по сути определяется юмористическим и остроумным характером Чжуан-цзы, его фантазией и свободолюбивой натурой. Отзываясь о «вонючем ясене» (“樗”), который не взяли во внимание китайские мастера, Чжуан-цзы писал: «Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях» (Чжуан-цзы. Глава 1. Странствия в беспредельном. 庄子 • 逍遥游) [18, с. 11]. В этих словах полно продемонстрирована откровенность души, широта кругозора Чжуан-цзы и его свободное, оптимистичное отношение к жизни.

В-третьих, Чехов и Чжуан-цзы не только признают равенство растений и человека или отвергают антропоцентризм, но и подчеркивают взаимосвязанность растений и человека и способность трансформации друг в друга. Например, у Чехова «цветы» часто символизируют внутренний мир героинь. В «Драме на охоте» (1883) «красный цветок зеленого леса» [11, с. 272] — это метафора героини Ольги, дочери лесника, носящей красное платье. В «Цветях запоздалых» (1882) грустная душа княжны Маруси, ее душевное состояние сравнивается с поздно распустившимся осенним цветком: она умерла, как увядший цветок поздней осенью. Чжуан-цзы же уверен в том, что деревья и люди одинаковы по форме и природе [Ван Хуй]. В главе 4 «Среди людей» (庄子 • 人间世) он писал: «Боярышник и груша, апельсиновое дерево и помело. [Как только] плоды созреют, [их] обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают» [18, с. 38]. Полезные растения уничтожают из-за их «ценности», так же, как талантливые люди страдают из-за своих «способностей».

Можно продолжить этот диалог, обратившись к повести Чехова «Дом с мезонином» (1895), в которой «георгин и роза» символизируют двух сестер — Лиду и Мисюсю. Роза, благородная и чистая, олицетворяет нежную, изящную и искреннюю Мисюсю, а георгин — внешне красивую, но холодную и жесткую Лиду (Сам Чехов недолго любил этот цветок, называя его «холодным и не вдохновляющим» [10, с. 117]). Посредством двух растений, обладающих противоположными качествами, отражается антагонизм душевных состояний героинь и их характеров. Если Чехов использует метафоры для изображения связи человека и растения, показа человека через растение, то Чжуан-цзы идет дальше, утверждая, что растения могут превращаться в людей. В «Чжуан-цзы». Глава 18. Высшее счастье (庄子 • 至乐)

он пишет так: «Янси (羊奚草), живучая трава, в процессе естественной эволюции превращается в “темную собаку” (青宁), та — в барса, барс — в лошадь, лошадь — в человека» [18, с. 160]. Таким образом, Чжуан-цзы показывает цикличность жизни и отсутствие строгих границ между растительным и человеческим мирами.

2. Философские интерпретации человеческого бытия через призму образов растений

Если в творчестве Чехова и в работах Чжуан-цзы более или менее поколеблена этическая модель субъектно-объектного дуализма, намечено движение к экологической концепции «равного сосуществования растения и человека», то в аспекте семантики в силу коренных различий между философскими основами Востока и Запада дают о себе знать противоположные размышления о жизни и смерти.

В творчестве Чехова и Чжуан-цзы идея роста и увядания растений тесно связана со сменой времен года и циклом человеческой жизни. В «Чжуан-цзы». Глава 23. Гэнсан Чу («庄子·庚桑楚») представлен ботанический образ как символ изменения времен года: «Ведь [когда] начинает действовать весенний эфир, растут [все] травы. Установится осень, созревает [вся] тьма плодов» [18, с. 205]. Смена от «растущих трав» до «созревающих плодов» раскрывает ритм времен года и законы природы [21]. В последнем рассказе Чехова «Невеста» (1903) «старая слива», сломанная «ночью ветром» [16, с. 213], намекает на ухудшение состояния главного героя Саши и угрозу его жизни.

Однако, несмотря на схожесть растений, отражающих круговорот человеческой жизни, Чехов и Чжуан-цзы предлагают разные культурные концепции жизни и смерти, определяемые культурными различиями. «Восток», во-первых, показан как редуцированная европейским познанием совокупность восточных культурных форм; во-вторых, они не похожи на формы культуры европейского региона, часто и противоположны им [см.: 1, с. 70]. Именно противоположные философские основы Востока и Запада влияют на разницу культурных кодов.

Философское мировоззрение Чжуан-цзы основано на даосской школе, согласно которой Дао (道) служит источником всего сущего, законом движения космоса: «Путь же поэтому объединяет в единстве и балку, и столб, и уродину, и красавицу Си Ши, и великодушные, и коварство, и странное, и чудовищное» («Чжуан-цзы». Глава 2. О равенстве вещей. 庄子·齐物论) [18, с. 17]. Хотя внешне люди и растения не похожи друг на друга, они рождены из Дао и в конце концов к нему возвращаются. Это подтверждает знаменитую аллюзию «Сна Чжуан Чжоу о бабочке»: «Снилось ли Чжоу, [что он] — бабочка, или бабочке снится, [что она] — Чжоу?» (Глава 2. О равенстве вещей. 庄子·齐物论) [18, с. 24]. Так же, как Чжуан Чжоу и бабочка являются всего лишь разными проявлениями Дао, растения и люди представляют собой единый поток изменений. В «Истории китайской философии» Фэн Юлань пишет: «Так называемая смерть — это не более чем переход одной формы существования в другую» [23, с. 207]. Мир проходит стадии эфир — тело — жизнь — смерть, сменяющие друг друга, как весна — лето — осень — зима. («Чжуан-цзы».

Глава 18. Высшее счастье. 庄子·至乐) [18, с. 157]. В этом цикле растения и люди взаимно превращаются друг в друга, сливаясь воедино. Таким образом, в системе Чжуан-цзы жизнь и смерть теряют свое значение, а человек должен принимать смерть спокойно.

Чехов же в целом опирается на западную философию и религию, одной из основ которых является «Книга Екклесиаста», имевшая, по словам русского профессора А. С. Собенникова, «особое значение для Чехова» [7, с. 20]. Во многих его произведениях присутствует мотив «все суета». Например, в «Скрипке Ротшильда» (1894) герой Яков приходит к выводу: «Жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря» [14, с. 303]. В «Поцелуе» (1887) Рябович осознает: «Жизнь показалась ему необыкновенно скудной, убогой и бесцветной...» [13, с. 423]. В «Поцелуе» появляется образ воды: «Из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь, и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит теперь перед глазами Рябовича...» [12, с. 423]. Этот цикл (речка — река — море — дождь) перекликается с Екклесиастом: «Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (Екклесиаста, Глава 1: 7). В итоге размышления приводят к идее «нет ничего нового под солнцем», выражающей скорбь и бессилие человека перед земным миром. После тщетной погони за счастьем человек обречен столкнуться с ничтожностью собственного существования. Этот антагонизм между человеком и земным миром заставляет людей возлагать надежды на «загробную жизнь» и единственного «Бога». На первый взгляд, цикл «речка — большая река — море — дождь» соотносится со сменой времен года у Чжуан-цзы. На деле это приводит к парадоксальному выводу: если прошлой речке суждено стать настоящей речкой, то жизнь и смерть по сути — пустота.

Стоит отметить, что Чехов критически воспринял идеи «Екклесиаста». Он не возлагал надежды на Бога, но впитал одну из идей — сознание субъективности человека. В своих поздних произведениях Чехов все больше сосредоточивает внимание на встречах между человеком и растениями в мирской жизни, тому хорошим примером служит рассказ «Скрипка Ротшильда», в котором «старая верба» разрывает границы пространства и времени, помогая Якову осознать значение бытия. В прошлом главный герой постоянно подсчитывал убытки, ссорился с людьми, грубо обращался с женой. Даже ее смерть не заставила его задуматься, что 52 года его жизни были уходящим временем. Лишь после того, как он бродит у реки и замечает «старую вербу», в его памяти вспыхивает картина: «И вдруг в памяти Якова, как живой, вырос младенец с белокурыми волосами и верба, про которую говорила Марфа. Да, это и есть та самая верба — зеленая, тихая, грустная...» [14, с. 303]. Верба соединяет прошлое и настоящее, заставляя его впервые осознать собственное бытие. «Настоящее бытие» заключается не в подсчете убытков, а в любви и тепле — в картине рождения ребенка, в пении супруги под вербой. Кроме того, верба в русской культуре символизирует воскресение (в Вербное вос-

кресенье ее ветви используют для празднования Воскресения Христа). Таким образом, через образ вербы Чехов поднимает тему духовного возрождения, утверждая, что смысл жизни заключается не в религии, а в человеческих чувствах.

Заключение

По мнению М. М. Бахтина, подлинную наружность культуры могут увидеть и понять только другие культуры, «благодаря своей пространственной вневходимости и благодаря тому, что они другие» [2, с. 334]. В свете точки зрения «другого» — китайского философа Чжуан-цзы — можно считать, что творчество Чехова, связанное с ботаническими образами, приобретает глубокий философский смысл и экологическую ценность в межкультурном диалоге. С одной стороны, их размышления о жизни и смерти различаются. В философии Чжуан-цзы ключевую роль играет отсутствие «я» — человек в качестве личности уничтожается. В конечном итоге человек и растения сливаются воедино, становясь частью Вселенной, а жизнь и смерть превращаются в единый поток изменений, что формирует концепцию «ухода от потустороннего мира». Чехов же, напротив, подчеркивает субъективность человека. Через взаимодействие с растениями человек осознает мимолетность своего бытия, что создает концепцию активного участия в трансцендентальном мире. По сравнению с Чжуан-цзы концепция жизни у Чехова более мужественна: писатель знает о пустоте, тленности и временности земного мира, понимает, что постоянный диалог невозможен, а также осознает, что в этом мире не удастся сохранить «вишневый сад» навсегда. Но, несмотря на это, он использует функцию мотива растений — пересечение пространства и времени, чтобы «маленький человек» испытал хотя бы кратковременное «бытие», а следы его жизни, как мелодия, навсегда остались в мире, звучали в скрипке, шорохе листвы, шелесте травы.

Литература

1. Аминева В. Р. Теоретические основы сравнительного и сопоставительного литературоведения: учебное пособие. Казань: Изд-во КФУ, 2014. 105 с. Текст: непосредственный.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с. Текст: непосредственный.
3. Башкеева В. В., Сангажапова Т. Б. Интеллигентность как ценностный ориентир героев в повести А. П. Чехова «Дуэль» // Вестник БГУ. Филология. 2023. № 2. С. 43–49. Текст: непосредственный.
4. Веселовский А. Н. Избранное: историческая поэтика. Москва: РОССПЭН, 2006. 685 с. Текст: непосредственный.
5. Галай К. Н. Некоторые понятия литературоведческой компаративистики // Наука и современность. 2011. № 8–3. С. 15–22. Текст: непосредственный.
6. Ильиных И. А. Экологическая этика: учебное пособие. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009. 434 с. Текст: непосредственный.
7. Собенников А. С. Между «есть Бог» и «нет Бога». Иркутск: Изд-во Иркут. гос ун-та, 1997. 222 с. Текст: непосредственный.

8. Топоров В. Н. Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва: Наука: ГРВЛ, 1989. 289 с. Текст: непосредственный.
9. У Луцянь. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века: на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва Изд-во МГУ, 2015. 292 с. Текст: непосредственный.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. Т. 1. Письма, 1875–1886. Москва: Наука, 1974. 581 с. Текст: непосредственный.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 3. 1884–1885. Москва: Наука, 1975. 622 с. Текст: непосредственный.
12. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 4. 1885–1886. Москва: Наука, 1976. 551 с. Текст: непосредственный.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 6. 1887. Москва: Наука, 1976. 735 с. Текст: непосредственный.
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 8. 1892–1894. Москва: Наука, 1977. 525 с. Текст: непосредственный.
15. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 9. 1894–1897. Москва: Наука, 1977. 541 с. Текст: непосредственный.
16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 10. 1898–1903. Москва: Наука, 1977. 491 с. Текст: непосредственный.
17. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 30 томах. Т. 9. Письма, 1900 — март 1901. Москва: Наука, 1980. 618 с. Текст: непосредственный.
18. Чжуан-цзы. «Чжуан-цзы» / перевод с китайского Л. Д. Позднеевой. Москва: АСТ, 2022. 320 с. Текст: непосредственный.
19. Эренбург И. Г. Перечитывая Чехова. Москва: Гослитиздат, 1960. 111 с. Текст: непосредственный.
20. Ван Хуй. Об аллегории животных и растений в книге «Чжуан-цзы» // Журнал Ланьчжоуского технологического института. 2019. № 3. С. 121–127. Текст: непосредственный.
21. Куан Сяньфэн. Эстетические значения образа растений в книге «Чжуан-цзы» // Мудань. 2022. № 24. С. 50–52. Текст: непосредственный.
22. Сыма Цянь. Исторические записки. Яньцзи: Яньбяньское народное изд-во, 1995. 336 с. Текст: непосредственный.
23. Фэн Юлань. История китайской философии. Пекин: Демократия и строительство, 2021. 346 с. Текст: непосредственный.
24. Хань Цицонь. Новый материализм // Иностранная литература. 2023. № 1. С. 111–124. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 16.10.2025.

PLANT IMAGERY IN INTERCULTURAL DIALOGUE: THE WORKS
OF A. P. CHEKHOV AND THE PHILOSOPHICAL PROSE OF ZHUANG ZHOU

Liu Xueqing

Doctoral Candidate

Nankai University

94 Weijin St., Tianjin 300071, China

lxq980609bxmy@163.com

Abstract. The article investigates an intercultural dialogue through typologically similar motifs in the works of the Russian writer A. P. Chekhov and the Chinese philosopher Zhuang Zhou (4th–3rd centuries BCE). The research employs A. N. Veselovskiy's theory of the *self-generation of motifs*, M. M. Bakhtin's concept of *outsideness*, and principles of environmental ethics. The basis for the comparative analysis of plant motifs lies in the writers' and thinkers' profound interest in plants – both in life and in philosophical and literary reflection. Through plant imagery, their works reveal comparable ecological concepts: plants are not portrayed as passive, mechanical objects, but as autonomous subjects equal to humans. This approach radically rethinks the traditional ecological-ethical model of subject–object dualism and affirms the principles of non-anthropocentrism. Furthermore, plant imagery is used to examine the cultural differences between East and West in the philosophical interpretation of human existence. In Zhuang Zhou's philosophy, the idea of unity between the human and the natural world, life and death, prevails, whereas in Chekhov's works, characters are actively involved in worldly life and in moments of interaction with plants become acutely aware of the transience of their own existence. The dialog between authors across time and space deepens the understanding of the sociocultural phenomena of both countries.

Keywords: A. P. Chekhov, Zhuang Zhou, plants, intercultural dialogue, ecological concepts, philosophical reflection, life and death.

Acknowledgments

The work was supported by the Innovation Program of Beijing Normal University, as well as by Professors I. S. Boldonova, Wang Lidan, and Sun Ao.

For citation

Liu Xueqing. Plant Imagery in Intercultural Dialogue: The Works of A. P. Chekhov and the Philosophical Prose of Zhuang Zhou. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 3: 60–69 (in Russ).

The article was submitted 22.02.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 16.10.2025.